

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БАЙКИ

Разные разности, или Осколки былого смеха (Вместо предисловия)

Когда-то я должен был приступить к этим записям. А то всё рассказываешь к месту и к случаю уморительные житейские байки, а потом не то чтобы забываешь, но задвигаешь сказанное в дальний сундук памяти. И лежат там, пылятся эти полуанекдоты, пока вновь не извлекаются на свет божий по воле всё того же случайного импульса. Там словечко ключевое услышал, там наткнулся на некую швейковскую аналогию, в которой и сходства-то с первоисточником почти никакого. А вот, поди ж ты – вспомнишь непременно что-то заветное, над чем смеялся в годы оны... Сейчас многое вызывает лишь улыбку, порой саркастическую усмешку: «Неужели так могло быть?» Юмор поблек, выцвел, сатирические нотки приглохли. Но что-то всё-таки сохранилось как намёк, как интонация, которая, по сути, и есть основа литературы.

Понимаю, что в один присест написать задуманное просто невозможно. Это вам не роман сочинять, где без литературной «водицы» не поплывёшь по волнам повествования. В моём замысле гольная фактура необходима. Тут дело неизбежно пойдёт рывками, поскольку некие клеммы в нашем биологическом компьютере – мозгу – замыкаются странным образом, неподвластным нашему желанию. Один волевой импульс вряд ли сильно поможет, хотя кто его знает? У кого как. Вот один мой добрый знакомец, прежде чем начать что-либо серьёзное, изрекает энергичную фразу: «Подключаю мозги!» Так и видишь предметно этот процесс подключения источника разума к осмыслению сложной проблемы. Этакий электронно-сенсорный приём: щелчок в мозгу – и процесс пошёл. Вообще-то два последних слова предыдущего предложения надо бы ставить в кавычки, поскольку именно это лингвистическое сочетание принадлежит одному бывшему лидеру очень большой страны. Но, боюсь, таким макаром придётся закавычивать не одну фразу задуманных записок. А это грозит перерасти в некий невроз. Друг моей студенческой юности А.Ф., ставший впоследствии известным журналистом и получивший престижное звание «Золотое перо СССР» за серию очерков об ударных стройках, любил побаловаться на

страницах своей газеты футбольными отчётами. Приведу лишь одну цитату из его описания матча любимой команды: «Форвард Задорожный «прошёл» по левому флангу «оборонцев» гостей, затем «протаранил» центральную «зону» защиты, переложил кожаный «снаряд» под «удобную» правую ногу и «пушечным» ударом вколотила мяч в «девятку»». Извиняюсь за двойные кавычки в конце цитируемого предложения, но так уж вышло. Как любит повторять мой китайский друг, член Союза писателей России профессор Ли Янлен, сталкиваясь с очередной российской заморочкой: «Ничего не поделаешь...»

Стоп, стоп! Начал писать вступление, а уже посыпались из меня те самые осколочки былого смеха, намёки растворившихся во мраке минувшего улыбок, ради коих и затевается эта рукопись. В дальнейшем изо всех сил буду стараться избегать соблазна закавычивания летучих выражений. Надеюсь, вы мне это позволите? Иначе свихнуться можно.

Ставим промежуточную точку. Вот так! А дальше развязываю мешок воспоминаний. Хотел, было, кое-что основательно прокомментировать, пояснить, но потом отказался от этой мысли. Это всё равно что к лирическому четверостишию делать сноску в прозе: дескать, сними стихами я хотел сказать то-то и так-то...

Итак, помоляся, приступаю.

Водки много не бывает

В 1978 году в составе делегации Амурской писательской организации мне довелось участвовать в выездном пленуме Союза писателей России. Почти тридцать лет не было на Дальнем Востоке такого крупного литературного мероприятия. Лишь писатели-старожилы помнили, как в 1949 году приезжали к нам московские и иные знаменитости из-за уральского хребта. В основном об этом событии я знал по рассказам Олега Маслова, который как раз в том году поступил учиться в Хабаровский медицинский институт. Колоссальная память моего старшего товарища хранит массу воспоминаний о тех временах, свидетелем коих он был или о которых узнал от других. Это было подобно легенде, в которую верилось порой с трудом. Особенно пласт воспоминаний о Твардов-

ском и его соратниках, где были и небылицы ореолом окружали фигуру создателя «Василия Тёркина».

В пору, когда я пишу эти заметки, меня подтолкнула к воспоминаниям кончина патриарха русской литературы Сергея Михалкова. Он ушёл из жизни на девяносто седьмом году. Дай Бог каждому прожить столько и так насыщенно, как это удалось сделать автору текстов двух Гимнов – СССР и России.

Так вот, Сергей Михалков тогда по должности возглавил руководство выездным пленумом Союза писателей России, самой мощной части единого тогда Союза писателей СССР. Разместили гостей в самой фешенебельной хабаровской гостинице «Интурист», из окон которой открывалась великолепная панорама Амура. Многие приехали загодя, гостеприимные хозяева зафрахтовали на сей случай теплоход и вывезли нас на рыбалку. И хотя среди писательского люда были неплохие мастера сего исконно дальневосточного способа добычи пропитания, применять своё искусство добычи «хвостов» не понадобилось. Профессиональные рыбаки-нивхи, незадолго до прибытия литераторов к писаницам Сикачи-Аляна, успели наловить сазанов, коньков, шук и сомов. Попался в сеть и царь нижнего Амура осётр, особо крупные экземпляры которого называют у нас ещё и калугой. Излишне говорить, что никого не пришлось упрашивать отведать ароматной, с дымком, ухи под стопочку-другую напитка, чьи арифметические градусы уступали главному блюду, но имели своё особое свойство, хорошо известное пишущему люду. Погуляли от души, надышались свежеего речного воздуха, наговорились и напелись до хрипоты. Известное дело, за хорошо накрытым столом, и не только за письменным, инженеры человеческих душ умеют отвести вволюшку и свою собственную душеньку. Все гаечки и болтики взрослости и солидности послетали без всяких разводных ключей. Народ свою меру знал и особо вожжи не отпускал, однако к той поре, когда нас доставили на ночёвку в отель, многие, мягко говоря, подустали весьма основательно...

Наутро мы часам к десяти стали подтягиваться к зданию института физической культуры, в актовом зале которого намечалось провести заседание. Благо, от гостиницы до вуза нужно было только пересечь Амурский бульвар. Кучковались по интересам и знакомству. Перекуривали, травили байки и анекдоты. Ждали начальства. Подкатила кавалькада чёрных «Волг» с максимально обнулёнными номерными знаками. Из главной машины вышел невысокого роста, кряжистый первый секретарь Хабаровского крайкома партии Чёрный, запечатанный, несмотря на летнюю раннюю жару, в костюме цвета своей фамилии и перетянутый по крутой шее галстуком в ленинскую крапинку. Вслед за ним на свет божий появился, по частям высвобождая свою долговязую дяди Степинскую фигуру, знаменитый автор хрестоматийных стихотворений для детей и басен для взрослых, редактор сатирического киножурнала «Фитиль», создатель поэтической части Гимна страны Сергей Владимирович Михалков. Мы замерли, ожидая развития действий. Некоторые, в том числе и я, впервые видели людей столь высокого полёта. Государственное и литературное начальство

объединёнными силами стало надвигаться на толпу литераторов, которую никто не догадался привести в маломальский порядок, хотя головы всех, как по команде, повернулись в сторону небожителей. Холодок неизвестности пробежал по моей спине: что последует дальше, какие судьбоносные слова услышу из золотых уст гигантов творческой мысли и партийной воли?

Подойдя к замершей толпе на расстояние дуэльного выстрела, вновь прибывшие чины остановились и оглядели лица. Что прочитал в глазах литературной общности секретарь крайкома КПСС, ведомо только музе истории Клио, а вот Михалков поразил меня наповал своей фразой, вылетевшей из его уст. Неожиданно тонким петушиным голоском он спросил соратников по литературному цеху: «Много вчера выпили, товарищи писатели?» Всего ожидал я – официального приветствия, пышной цветистости выражений, едва ли не стихотворного экспромта, но чтобы услышать вот такое простецкое и мужицкое обращение – это прозвучало как гром среди ясного неба. Повторяю – для меня, как гром. Очевидно, кое-кому доводилось слышать Михалкова не впервые в подобных ситуациях, поэтому и раздался дружный смех, который усилила ответная фраза, неожиданно произнесённая Борисом Машуком, на ту пору главой Амурской писательской организации. Борис Андреевич, заядлый охотник и рыбак, неутомимый анекдотчик и мастер меткого словца, контрастно михалковскому сиплым голосом, продымлённым у вчерашнего костра, рявкнул на весь бульвар: «Что вы, Сергей Владимирович! Разве на рыбалке водки много бывает?» Услышав подобный ответ, Михалков буквально взвизгнул от восторга: «Молодцы, дальневосточники! Теперь я окончательно спокоен за будущее русской литературы».

Прошло более тридцати лет, а на внутреннем экране памяти я вижу отчётливо и то солнечное утро, и лица людей, окружавших меня, явственно слышу фальцетик Михалкова и сиплый баритон Машука, сказавших мне главное в тот день и по сию пору: зашоренному человеку не место в литературном строю, на каком бы фланге в нём он ни находился.

Совещание молодых

Было это в 1979 году. В Москве созывалось VII Всесоюзное совещание молодых писателей, проводимое под патронатом Центрального Комитета комсомола СССР и Союза писателей. Событие в жизни литературного подростка, можно сказать, эпохальное. От Амурской области ехала солидная делегация, в которую входили восемь человек. Собственно амурцами были мы с Владиславом Лециком, а шестеро остальных вошли в квоту ЦК ВЛКСМ, выделенную БАМу. Но делиться на беленьких и чёрненьких мы не думали, так что смело назову имена остальных товарищей. Это Тамара Шульга, Владимир Гузий, Александр Симаков, Иван Шестак, Евгений Сакин и Владимир Смирнов. Летели мы на ИЛ-18 дружной группой, в пути постановили, что скопом литературного батьку бить легче, и в дальнейшем держались

плеча товарища на всём протяжении совещания, где нам досталось и на орехи, и литературной славы кое-кому вкусить. Фрагментарно помнится больше о себе, но и о товарищах кое-что могу припомнить тоже. Посмеяться было над чем...

При подготовке к совещанию Борис Машук, бывший на предыдущем форуме молодых литераторов страны вместе с поэтессой Надеждой Пузыревской, посоветовал мне: «Не поленись захватить с собой три-четыре экземпляра рукописи своих стихов». Я удивился: «Зачем, мы ведь полгода назад послали её бандеролью в оргкомитет совещания?» Борис Андреевич усмехнулся: «Тот и оно, что полгода назад...» Больше он пояснять ничего не стал, а я на всякий случай внял совету старшего товарища и отдубасил на пишущей машинке марки «Оптима» четыре экземпляра рукописи, дополнив её новыми стихами, большинству из которых по всем правилам науки следовало бы и в столе отлежаться, и под прессом редакции побывать. Но жадность одолела, а теперь понимаю, что и глупость тоже. Ну, если и не совсем глупость, то наивность уж точно вмешалась в дело.

В Москве на совещании собралось около трёхсот молодых талантливых и просто гениальных писателей. Разбили нас, если не изменяет память, на тридцать пять семинарских групп. В каждую определили дядек-наставников из числа самых известных и опытных на то время мастеров слова. Достаточно сказать, что вели занятия Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Белов, Василь Быков, Гавриил Троепольский, Роберт Рождественский, Евгений Долматовский и многие другие классики. Определили меня в семинар, которым руководил маститый критик, главный редактор журнала «Литературная учёба», профессор Литинститута Александр Михайлов. Его помощниками были известные поэты москвичи Василий Субботин и Валентин Берестов, киевлянин Владимир Смирнов и Владимир Гордейчев из Воронежа. То ли потому, что я был на букву «А», из Амурской области, то ли по правофланговости моего роста, но в расписании обсуждения рукописей моя фамилия стояла первой. Впрочем, меня это несколько не пугало, поскольку ещё в школе, а затем и в институте я любил ходить на экзамены в так называемой первой пятёрке желающих испытать судьбу. Был ещё один нюанс: к первым экзаменуемым преподаватели относились обычно снисходительнее – ценили смелость, что ли. Но здесь, в Москве, ни слезам, ни тем более парадной смелости не верили, о чём гласит известная пословица. Приходилось надеяться только на себя, то есть на своё творческое мастерство и поэтическую состоятельность.

В девять часов, по московским меркам страшно рано, мы собрались в кабинете у Михайлова на девятом же этаже так называемой высотной башни издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Назвали мою фамилию. Я поднялся и кратко рассказал о себе, кто я есть, почему и как занимаюсь литературным творчеством. Это традиция подобных совещаний и семинаров. Тем временем в кабинет зашли секретарь ЦК ВЛКСМ по идеологии Анатолий Деревянко и главный редактор газеты «Комсомоль-

ская правда» Валерий Ганичев. Анатолий кивнул мне ободряюще, мол, держись, дружище. Я слабой улыбкой ответил своему школьному и институтскому товарищу. Признаться, коленки слегка подгибались. Михайлов спросил, кто из руководителей читал мою рукопись, и попросил начать обсуждение стихов. Однако в комнате повисла тишина. Выяснилось, что никому в руки мои стихи не попали. Очевидно, в сумятице подготовки совещания рукопись затерялась. Маститых мэтров литературы сия заковыка никак не смутила, на их веку и не такое случилось. Спросили только, привёз ли я с собой свои стихи. Услышав удовлетворительный ответ, попросили отдать их секретарю семинара, назначили нового рецензента и перенесли моё обсуждение на последний день. Деревянко и Ганичев молча встали со стульев и вышли из кабинета.

Пять дней я варился в семинарском котле, слушал чужие стихи, вдумчивый и требовательный разбор буквально каждой строчки, каждого слова. Причём, руководители семинара были чаще всего снисходительнее, чем свои же братья-семинаристы. Когда же, наконец, дело дошло до меня, то я со всей силою почувствовал, насколько братва отточила свои критические стрелы в процессе учёбы. Я исписал целый блокнот, куда вносил все замечания и советы по поводу моих стихотворений. Синяков и шишек наполучал под завязку, и если честно сказать, то большинство – поделом. Причём, в основном это касалось как раз новых стихов. И смех, и грех!

До сих пор не знаю, как бы развернулись события, если бы не потерялась первая рукопись и Деревянко с Ганичевым услышали, чего я стою в литературе на тот момент. Спрашивать об этом Анатолия я посчитал не тактичным, да и самолюбие взыграло. Скажу только, что Александр Алексеевич Михайлов позже написал доброжелательную рецензию, и спустя несколько лет в Хабаровске вышла в свет моя первая книжка стихов «Сентябрины». В те годы книгоиздание было, не в пример нынешним временам, очень медленным процессом.

Уже и не очень смешно вспоминать минувший казус, произошедший со мной на совещании. Но тёплая улыбка осталась и греет душу: как молоды и наивны мы были!

На пленарном заседании слушаем череду выступлений классиков современной отечественной литературы и союзных республик. Размышления о творческом процессе чередуются с выступлениями чиновников от литературы и партийных функционеров. Мы, амурцы и бамовцы, сидим поближе, ряду в четвёртом, чтобы слышать мудрость патриархов и наставления идеологических вождей. Мы – будущее нашей многонациональной литературы, на нас все надежды и упования. Гуманизм, патриотизм, служение высоким идеалам нравственности и духовности, следование заветам Александра Пушкина и Льва Толстого, воспитание новых поколений читателей ярким словом правды, облечённым в запоминающуюся художественную оболочку, – подобные императивы так и сыплются на наши головы, пригибая их всё ниже и ниже к спинкам впереди стоящих кресел. Начинает помаленьку одолевать дремота, и зевота ломает скулы

– сказывается шестичасовая разница во времени. Товарищи, смотрю, прикемаривают помаленьку, спят с открытыми глазами. Лишь драматург Иван Шестак, сидящий ближе к краю ряда, чему-то усмехается, черкая порой что-то карандашом в папке, лежащей на коленях. Его конспектирование умных мыслей вызывает уважение. Однако что так веселит редактора газеты «Байкало-Амурская магистраль»? Меня это заедает помаленьку, поскольку лично я ничего смешного не слышу с трибуны. Или чувство юмора притупилось на совещании от эмоциональной перегрузки?

На перерыве подхожу к Ивану, интересуюсь, чему он постоянно усмехался. В ответ Шестак разворачивает папку, которую я видел у него на коленях: «Вот, дали почитать пьесу одной дамочки из Питера и выступить на обсуждении. Я в семинаре Афанасия Салынского ещё голоса не подавал, до рукописи моей пьесы «Обход» пока не добрались. Неудобно молчать как-то. Так что изучаю лидеров молодой драматургии...»

Поднимаю брови и уточняю: «Комедия, что ли?» «Какое там комедия, – машет рукой Иван, – сплошная кухонная бытовуха, намёки на диссидентство, разговорчики о власти, постоянное питьё водки и секс. Сплошные фиги в кармане, к третьему акту уже насчитал четыре постельные сцены с довольно пикантными подробностями. И как они такое ставить будут на сцене, ума не приложу. Пишут, чтобы только писать. Графомания какая-то... Потому-то и смешно, и грешно».

Рано утром, где-то на четвёртый день пребывания в столице, поднимаемся с Володей Гузием из ресторана в номер гостиницы «Юность», где мы проживали вдвоём. Навстречу спускается заспанный и слегка припухший от литературных бдений Владислав Лецик. В руке у талантливого прозаика листок бумаги. Гузий на сытый желудок шутит: «Страница нового романа?» Поравнявшись с нами, Владик отрывисто бросает хриплым прокурренным баском: «Рубленая проза Цезаря. Посвящаю жене». И суёт нам телеграммный бланк для ознакомления. Читаем и дружно хохочем: «Вышли денег. Слава». Любит матушка-Москва чужие денежки.

Изо всей нашей делегации наибольшего успеха на совещании добился Владислав Лецик. В семинаре, которым руководил Герой Социалистического Труда белорусский писатель-фронтовик Василь Быков, его назвали в числе самых громких открытий. Вдобавок, накануне у Владислава был опубликован в газете «Литературная Россия» рассказ «Раз на раз не приходится», вызвавший доброжелательные отклики. Дальневосточную известность приобрела детективная повесть «Дед Бянкин – частный сыщик», опубликованная в альманахе «Приамурье моё» годом ранее.

В одном из перерывов заседания заключительно-го дня совещания в оживлённом фойе гостиницы «Юность», где мы жили и проводили общие собрания, мы с Лециком повстречали Деревянко. Анатолий выглядел весьма счастливо, чем мы не преминули поинтересоваться. Оказалось, что накануне положительно решил-

ся вопрос его приёма в Академию наук СССР, и теперь Деревянко к своей степени доктора исторических наук и званию профессора прибавил звучное – член-корреспондент Академии. Порадовались за земляка, поздравили, пожелали поскорее стать «полным» академиком. Тем временем к нам подошёл весьма представительный мужчина средних лет и тоже позддравил Деревянко. Анатолий представил нас незнакомцу, чьё имя для слуха пишущего человека звучало как многообещающая песня – Виктор Ильич Десятерик, директор книжного издательства «Молодая гвардия».

«Мы с женой Евгенией Ивановной прочитали повесть Владислава «Дед Бянкин...» – весьма увлекательное сочинение, много юмора и северного колорита. Золотоискательские амурские края», – отрекомендовал благожелательно Лецика секретарь ЦК ВЛКСМ. Директор внимательно взглянул на бородатого писателя и произнёс сакральную фразу: «Ну что ж, надо издавать у нас. Сколько вам потребуется времени для подготовки рукописи книги к печати? Я думаю, месяца вам хватит...» Небеса после этой фразы едва не рухнули на наши головы, но удержались. Но зато они рухнули после ответа самого Лецика: «Сейчас рановато. Надо ещё поработать над материалом, дописать кое-что, добавить новых рассказов. Чего спешить выпускать тощенькую книжицу? Вот через годик-другой поговорим на эту тему... Довольно понавывпускали брошюрок генсековских вроде «Малой земли» и «Целины»! Сколько можно?»

До сих пор помнится мне тот изумлённый взгляд, которым смерил Десятерик Лецика с его горделиво взъерошенной бородкой. Не привык директор к подобным речам молодых писателей, что явно читалось во всей его мимике. Деревянко подвёл итог беседе: «Ладно, Владислав, поработай ещё сколько необходимо. Когда будет готова рукопись, сообщишь».

Знал бы Лецик наперёд, какие долгие годы творческих и житейских проблем ожидают его впереди! Но слово не воробей... Тогда этот случай вызвал у нас едва ли не усмешку. А теперь даже и не знаю, чему тут было смеяться: самонадеянной молодости или житейской неосмотрительности. Впереди у писателя вечность, не так ли?

Каждый руководитель моего семинара имел свои маленькие заморочки и пристрастия. Например, поэт, переводчик и литературовед Валентин Дмитриевич Берестов по-отечески укорял нас за «кирпичики». Читая рукопись, он капризно морщил лоб и, вытягивая губы трубочкой, дудел чуть гундосо: «Ну, сколько можно писать четверостишия с перекрёстными рифмами! Да ещё и сплошными ямбами... Загляните в «Поэтический словарь» Квятковского, напишите хотя бы ради разнообразия каждым из указанных в словаре размеров, попробуйте силы в дольнике. Не замечали, как хороши парные рифмы, то бишь бейты? Недаром народ их так любит применять в частушках. У народа есть вкус, доложу я вам, уважаемые мои виршеплёты. «Меня мил любил, / За измену бил. / Все болят бока – / Вот любовь кака!» Удлиняйте строфы, укорачивайте сколько душе угодно, но не бейте читателя по голове своими «кирпичиками»

четырёхстрочными...» А ещё Берестов имел талант звукоподражателя, и когда семинаристы уставали от копания в рукописях, воссоздавал нам голоса известнейших русских писателей. Особенно ему удавалась пародия на Маршака, в семье которого он часто бывал со студенческих лет и впитал в себя интонации Самуила Яковлевича, сделав их своими.

Василий Ефимович Субботин, ветеран Великой Отечественной войны, был участником ещё самого первого Всесоюзного совещания молодых писателей в 1949 году. Фронтная жизнь приучила его экономить время и пространство, в том числе и стихотворное. Ему не нравились «километровые» рифмованные полотна. «Если вам есть что сказать людям, постарайтесь уложить свою мысль в три-четыре строфы. Двенадцати строк вполне достаточно для того, чтобы создать поэтический образ. Вся остальная писанина есть размазывание мысли, явный признак творческой неудачи. Не забывайте чеховской установки о том, что краткость – сестра таланта. А в ваших опусах не сёстры поселились, а многословные гувернантки...» По-моему, он создал самое короткое стихотворение, которое мне довелось когда-либо прочитать в жизни: «Окоп копаю. Может быть – могилу». Через годы я взял это однострочное стихотворение эпиграфом к своему стихотворению «Солдат в окопе» из книги «Помните и верьте», посвящённой 60-летию Победы. Правда, вы можете напомнить мне ещё один шедевр краткости – строчку Валерия Брюсова «О, закрой свои бледные ноги!», которую он назвал поэмой. Но надо отличать игривый юмор от высокой поэзии, иначе расплодятся без счёта сочинители пустых однострочных стихов, вроде завсегдатая различных телешоу Владимира Виноградова.

Очень сошлись мы с воронежцем Гордейчевым. В молодые годы Владимир Григорьевич был хорошим футболистом, вполне профессионально играл за одну из команд класса «Б». Во мне он оценил не только литературные задатки, но и легкоатлетические доблести. На ту пору я уже был чемпионом Дальнего Востока в десятиборье, многократным чемпионом и рекордсменом Амурской области и Хабаровского края. «Хороших поэтов на Руси много, – сказал как-то Гордейчев наедине, когда мы обедали вдвоём в гостиничном ресторане, – а вот мастеров спорта среди них раз, два – и обчёлся. Этот эмоциональный пласт вашей жизни должен стать добротным материалом для будущих произведений. В спорте столько драм и даже трагедий! Попробуйте писать прозу, у вас получится». С годами я оценил прозорливость мастера слова, его напутствие очень мне помогало в период работы над книгой «Свет памяти», в которой немало рассказов и повестей, так или иначе связанных с темой моей спортивной юности. Гораздо позднее, в конце 80-х годов, мы вновь встретились с Владимиром Григорьевичем, на сей раз в Благовещенске, куда он приезжал в составе группы Союза писателей для встреч с читателями. Мы подарили друг другу свои новые книги, разговор шёл на равных, за что в первую очередь спасибо моему наставнику, никогда и дотоле не грешившему менторским тоном ни в устных общениях, ни в письмах. Гордейчев не боялся быть смешным, вот некоторые строки

из его стихотворения, которое так и называется «Быть смешным»:

...Мы так в себя бесстыдно влюблены,
что, если нас публично оборжали,
даём понять, что в нас оскорблены
достоинства не чьи-нибудь – державы!
...Ладонью в грудь неистово стуча,
выкрикивать: – Дошло, спасибо, братцы!
И с хохотом, багровой кумача,
от собственной личины избавляться.

И ещё один из руководителей семинара – украинский поэт и переводчик Владимир Степанович Смирнов. Был он мал ростом и угрюм, бородат, поскольку лицо имел избитое оспой, и таким образом скрывал свой изъян. Он постоянно призывал нас бросать писать собственные стихи и поскорее браться за переводы. Желательно с английского, поскольку считал этот язык самым ёмким, динамичным и многовариативным. «Читайте и переводите Шекспира, тогда поймёте глубины мировой лексики, – призывал нас Смирнов. – Лишь после этого возвращайтесь к себе любимым со стыдом и желанием никогда больше не мямлить «слёзы-морозы, кровь-любовь»». За что и спасибо нашему наставнику!

И, наконец, вспомним о руководителе семинара критики Александре Алексеевиче Михайлове. В его кабинете, где мы занимались, на стенах висели портреты Алексея Суркова, Степана Щипачёва и Константина Симонова с дарственными надписями, поскольку со всеми этими поэтами Александр Алексеевич дружил. «Вот это настоящие кудесники любовной лирики, – возглашал Михайлов, поправляя шикарный нашейный платок, заколотый бриллиантовой брошью, – учитесь у них постоянно. Тогда, быть может, напишете свою «Землянку» или «Тёмную ночь». Бойтесь безвкусицы, не давайте своим книжкам названия, в которых применялось бы слово «любовь». Это нечестный приём для привлечения покупателей ваших книг. Называйте книжки возможно проще, допустим, «Лирика» или что-то в этом роде...» И какое же удовлетворение разлилось по лицу маститого литературоведа, когда к нему подошёл тюменский нефтяник Александр Гришин и вручил свою первую тоненькую книжечку. Михайлов даже причмокнул от удовольствия и поднял над головой брошюрку, на однотонной обложке которой лапидарно красовалось – «Стихи». Что и говорить, угодил Саша мэтру, сам того не ожидая. Хотя, кто его знает...

Рядом со мной на занятиях в кабинете Михайлова сидел молодой высокий парень лет двадцати. Вначале я подумал, что он тоже семинарист, но парень молчал, слушал других, что-то черкал в блокноте и никак себя не обозначал. На мой вопрос: откуда он, кратко ответил, что из Москвы. Стали знакомиться. Моё имя ему, конечно же, ничего не сказало. Зато я страшно удивился, услышав в ответ: «Маршак. Саша...» Это был внук Самуила Яковлевича Маршака. Стихов и прозы он не писал, окончил электротехнический техникум. Но по фамильной

линии его включили в комиссию по литературному наследству знаменитого деда. Чтобы как-то быть в курсе литературных дел, молодой наследник время от времени посещал различные писательские собрания. На наше совещание он пришёл с другом семьи Маршаков Валентином Дмитриевичем Берестовым. И вот набирался ума-разума вместе с нами, грешными.

Саша оказался весьма контактным молодым человеком. Когда я рассказал Владимиру Гузию о своём новом знакомце, Володя загорелся сходить вместе с Сашей на кладбище Новодевичьего монастыря, где похоронен его дед. Саша легко согласился выполнить наше желание. В назначенное время мы втроём были у монастырских ворот, Саша показал свой пропуск, нам открыли двери. И вот мы в святой святых пантеона знаменитых русских духовных и государственных деятелей, писателей и учёных, художников и зодчих, кто составил славу отечественному уму и таланту.

Описывать усыпальницы гениев и великих людей – занятие долгое, на то есть специальные путеводители и множество книг и брошюр, альбомов и проспектов. Памятник на могиле Самуила Маршака ничем особым не поразил. Рельефный портрет довольно точно передавал черты поэта. Надгробная плита хранила даты жизни и смерти да несла на себе пару строк из стихов Маршака, которые я, к сожалению, не сохранил в памяти. Зато запомнилось другое. Указывая на могилу деда, Саша произнёс грустным тоном: «Рядом хотели похоронить его сына, моего отца, Владимира Самуиловича. Но власти из Моссовета не разрешили. Сказали, что мало заслуг. А ведь отец перенял у деда поэтический талант, писал очень хорошие стихи. И даже стал членом Союза писателей СССР. Это при том, что папа был к тому же доктором физико-математических наук, профессором университета, имел научные открытия международного уровня...»

Так власти не дали сыну лечь рядом с отцом. Невозможно сознавать это перед лицом вечности, отмечающей сиюминутные чины и ранги. Помнится, Володя прошептал тогда первые строчки своего стихотворения, которое зародилось именно здесь в этот миг: «Новодевичий монастырь, / Гроздью белою – купола...» А Саша горько пошутил: «Для меня здесь уж точно места не найдётся...» Столько лет минуло с той поры, я не знаю ничего о дальнейшей судьбе Александра Маршака. Дай ему Бог подольше пожить вдали от престижных отечественных кладбищ. Не знаю почему, но улыбка набегаёт на мои губы, когда я вспоминаю всё это. Странные существа – люди!

У эвенков

В пору руководства Амурской писательской организацией Борисом Машуком мы объездили всю область. Было это в 70-80-е годы. Во время дней литературы, проводимых под эгидой отдела агитации и пропаганды обкома партии, литераторы побывали практически в каждом населённом пункте. Более того, довольно часто мы выступали там, где в этот момент находились люди, любящие

книгу. Лесозаготовительные участки, драги на золотодобывающих полигонах, воинские гарнизоны и пограничные заставы, железнодорожные полустанки, передвижные бригады строителей. Да разве перечтёшь всё! О городах и районных центрах и говорить нечего, в каждом таком поселении обязательно посещались ведущие промышленные и сельскохозяйственные предприятия, школы и больницы, само собой – дома культуры и клубы. В основном встречали нас радушно, хотя и не всегда хлебом-солью, но чайком поили, а то и обедом добротным потчевали с кое-каким градусом... Не обходилось и без курьёзов.

Дни литературы в Селемджинском районе намечены были на ноябрь, когда установятся зимние дороги, позволяющие добраться в любой глухоманный уголок. После Благовещенска с его серым снегом районный центр Экимчан поразил нас великолепным белоснежеством, встретившим нашу группу уже в аэропорту. И крепким морозом – тоже. Термометр на амурском севере в эту пору нередко показывает числа, близкие к минус сорока градусам. Так случилось и тогда. Разделились на две группы по три человека в каждой и, отработав в день прилёта в райцентре по заранее утверждённому плану, на следующий день разъехались по своим маршрутам. Наша тройка, в которую входили поэт Олег Маслов, прозаик Владимир Евдокимов и я, выбрала северное направление. Так нам посоветовал Евдокимов, сам родом из этих мест. «Будет интересно», – пообещал Владимир Сергеевич. И его прогноз сбился на все сто процентов. Описывать каждый памятный эпизод не буду, иначе размахнусь на большой очерк. А вот заявленную тему этих заметок постараюсь выполнить.

На руднике Коболдо поразили свежие помидоры и огурцы, выращенные в теплице. Нам за обедом в рудничном профилактории подали такой салат, каких и на юге в летнюю пору мало где видели. Прииск Харга запомнился скрежетом драг, ломающих своими гигантскими черпаками ледяное поле водоёмов, со дна которых они добывали золотоносный песок. Но особенно врезалось в память посещение села Ивановское, где размещался эвенкийский совхоз Улген, что в переводе значит «Полярная звезда», как пояснил знаток эвенкийского языка и уклада жизни местного народа Владимир Евдокимов. Это и олени во дворах усадеб. И стаи собак на улицах, встречавших наш райкомовский Уазик оглушительным лаем. Не зря их и зовут – лайки, с хвостами кольцом и пушистым подшерстком. Ушки обязательно торчком, как радары, ловят каждый интересный звук в тайге.

До выступления в школе оставалось часа полтора, и мы решили заглянуть в контору совхоза, благо она располагалась в центре села неподалеку от храма обучения. В одноэтажном здании никого не встретили. В большой прихожей комнате у входа в кабинет директора на столе размещалась рация для связи с отдалёнными оленьими стадами, добывающими пропитание в тайге под снегом. Пока Евдокимов сообщал мне эти и другие сведения, Маслов подошёл к двери медпункта, подёргал за ручку и, убедившись, что она заперта или накрепко пристыла к косяку, принялся изучать висевший рядом на стене сани-

тарный бюллетень, на котором красовалась одна-единственная заметка, написанная от руки на изрядно пожелтевшем листке бумаги. Минуты через две он подозвал нас к себе. «Читайте!» Мы начали с заголовка: «Первая помощь при тепловых и солнечных ударах». Нас всех разобрал дружный смех, поскольку висевший рядом с бюллетенем термометр показывал в конторе минус четырнадцать градусов. А Евдокимов изрёк, попыхивая сигаретой: «Олег Константинович, да будет вам известно, что в основном эвенки страдают именно от указанных в сем мудром документе причин...» На что кандидат медицинских наук, доцент Благовещенского мединститута Маслов промолвил протяжно и потряхивая головой: «Да-а...»

Из конторы отправились к школе, где как раз была большая перемена. Во дворе гоняли мяч мальчишки с непокрытыми головами и в лёгких курточках. На ногах у большинства надеты были явно не меховые ботинки, об унтах и речи не шло. Напоминаю, с утра по прогнозу, который мы слышали по радио в гостинице, в этих местах синоптики обещали мороз в минус сорок...

В школе нас встретили радушно, но с порога посоветовали не раздеваться. «У нас всего плюс одиннадцать», – предупредила завуч. Мы с Евдокимовым последовали совету. Но Маслов решил держать марку: раз мальчишки на свежем воздухе бегают без верхней одежды, то ему негоже читать стихи в полушубке и шапке. Однако сколько он ни пытался повесить свою дублёнку на крючок в раздевалке, каждый раз она почему-то тут же падала на пол. Когда мои очки оттаяли окончательно, причина выяснилась и стала толчком для нового приступа коллективного хохота. Оказалось, что местные умельцы прибили часть крючков вниз головками. Очевидно, поручили это дело школьникам, старшеклассники прибили крючки верхнего ряда как положено. А малыши, которым досталось действовать в нижнем ряду, выполнили задание вот таким оригинальным способом. Олег Константинович, невысокий ростом и имевший слабое зрение, только и мог дотянуться до нижних крючков. И лишь наше вмешательство положило конец падениям дублёнки, которую Маслов торжественно вместе с шапкой водрузил на верхние «правильные» крючки.

Выступление в актовом зальчике, набитом до отказа шмыгающими мальчишками и девочками, прошло на ура. Нам так громко и долго хлопали, что мы поняли причину активности: ребятишки этим способом согревались. Довершило наше веселье чаепитие в школьной столовой. Чтобы угодить гостям, повариха в только что вскипевший чайник сыпанула быстренько заварки и, как она думала, сахара из подвернувшейся под руку банки. На самом деле это оказалась соль, что и обнаружил первым окончательно заочневший Маслов. Резюме Евдокимова последовало незамедлительно: «Ну, какой эвенк не любит солёного чая?...» В ответ последовало знакомое «Да-а...»

Посещение прииска Харга в посёлке Златоустовске стало знаменательным опять-таки из-за Маслова. Меня восхитило, с каким упорством штурмовал Олег Константинович обледенелые металлические трапы пла-

вучей фабрики золота, куда нас привезли не просто на экскурсию, но и для выступления перед экипажем в кают-компании. Мы прошли по всем её трём этажам, забрались на самый верхний мостик, и нигде наш старший товарищ не попросил помощи. А ведь карабкаться ему пришлось на одной ноге, вторую ему заменял протез – следствие несчастного происшествия в детстве на железной дороге.

Обратно в Экимчан, после выступления в приисковом клубе и дружеского ужина, возвращались в темноте. За день мы изрядно притомились и задремали, приютившись на заднем сиденье. Только шофёр впереди да инструктор райкома партии, сопровождавший нас в поездке, вглядывались в ночь, выискивая огоньки райцентра на берегу одноимённой речки Экимчан. Стремление поскорее добраться домой сыграло с нами злую шутку, которая едва не закончилась трагически. Пересекая ледяной покров реки, шофёр вздумал сократить путь и свернул с накатанной дороги напрямиком к берегу. Как на зло, нас там поджидала промоина, в которую мы и ухнули с разгона. Но ангелы-хранители витали над нами неусыпно. Дно у самого берега оказалось пологим и каменистым. Уровень воды в промоине был, как выяснилось позднее, метр с небольшим. Этого хватило, чтобы вода залила пол в салоне. Но в чернильном мраке северной ночи всё выглядело весьма тревожно. Мы с Евдокимовым очнулись раньше Маслова и принялись будить товарища затем, чтобы он поднял повыше ноги и сохранил обувь в сухости. Олег Константинович очнулся и задал естественный вопрос: «Что с нами? Уже приехали?» На что Евдокимов, не потерявший в этой ситуации присутствия духа, пошутил: «Мы утонули. Уже на дне...» Реакция Маслова потрясла меня хладнокровным юмором: «Почему же я тебя так хорошо слышу?» Так громко и до колик мы в эти сутки ещё не ржали, ибо звуки, вылетавшие из наших ртов, никак нельзя было назвать ни хохотом, ни тем более смехом.

Ангелы-хранители продолжили свою работу. Хотите верьте, хотите нет, но буквально в ту самую минуту, когда мы рухнули в промоину, по берегу реки проезжал трактор, тянувший бревенчатые сани. Тракторист увидел нашу беду, быстренько отцепил сани, кинул трос нашему шофёру, который молниеносно закрепил его на крюке переднего бампера. ДТ-75 взревел дизелем – и мы благополучно очутились на берегу. Евдокимов взглянул на светящийся циферблат часов и удовлетворённо констатировал: «Приехали! Ровно полночь с трёхминутным хвостиком». Шутить по поводу этого самого «хвостика», которого нам вполне бы хватило, чтобы и в самом деле утонуть в реке, сил уже просто не было.

Пролетели

В составе творческой группы Амурской областной филармонии поздней осенью я собрался лететь в посёлок Февральск на восточный участок БАМа к воинам-железнодорожникам. Группа подобралась сплочённая предыдущими поездками, люди бывалые. Возглавил

нас главный режиссёр филармонии известный дальневосточный композитор Николай Лошманов. Кроме него были певица Лидия Агапова и заслуженный артист России тенор Валерий Побережский. Ранним утром выезжаем автобусом-экспрессом в аэропорт часа за полтора до регистрации, чтобы устранить возможность всякой случайности. Сколько раз бывало, когда махали вослед хвосту уходящего поезда, как говорится. Тому, чья жизнь наполовину состоит из командировок, понятны наши превентивные меры. Аэродромный утренний порошистый снежок не испугал нас, но опытный пилигрим Лошманов изрёк, что всякое бывает, тем более на севере, куда мы направлялись. А посему повёл нас в ресторанчик на втором этаже аэропортового здания, чтобы скоротать время за рюмкой чая, как любил говаривать Коля. Сразу извиняюсь за некоторую фамильярность, но мы были очень дружны, вместе сочинили не одну песню. А уж сколько дорог исколесили вдвоём – и не счесть.

До рюмки ещё не дошло, но по стакану чая выпили. Тем временем объявили, что в связи с нелётной погодой наш рейс откладывается на два часа. Заказали бутылку портвейна. Сидим разговариваем. В ресторане радио работало таким образом, что шли московские передачи, но в какой-то момент диспетчер отключал Москву и делал объявление о рейсах. В тот момент Москва передавала последние известия. Когда дошло до новостей культуры, диктор, к огромному нашему удовольствию сообщил, что сегодня из Благовещенска к строителям БАМа вылетела филармоническая группа. Назывались наши имена и звания. «Моя информация!» – не без некоторого присущего ему апломба доложил Лошманов. Мы чокнулись и выпили за то, чтобы небо на трассе прояснилось и открыло путь нашему самолёту. Одной бутылки нам хватило до нового объявления, что в связи с ухудшившейся погодой наш рейс откладывается на завтра.

На следующий день снова пили вначале чай, слушали синоптиков, не открывавших нам небо. Опять дошло до портвейна, тем более что Москва сообщила, что у воинов-железнодорожников работает группа (текст можете прочитать абзацем выше). Мы посмотрели на Николая с некоторым осуждением, а тот как ни в чём не бывало произнёс: «Прилетим – всё наместаем. Я им на каждый день загнал по информушке, с названиями посёлков на трассе и воинских частей. Мне собкор ТАСС Боря Максименко помог протолкнуть рекламку нашего турне». Должен сказать, что командировка была спланирована на неделю.

Третий день лишил нас не только последних командировочных денег, отнюдь не рассчитанных на ресторанные расходы, но и остатков терпения. Погода не улучшалась. Самолёт на Февральск прочно стоял на земле. Выслушав очередные московские новости о нашей гастрольной деятельности на восточном участке БАМа, мы возвратились по домам не солоно хлебавши. Директор филармонии Геннадий Григорьевич Самарин по не зависящим от нас причинам командировку отменил, возврата денег не потребовал, удовлетворившись нашей коллективной объяснительной запиской, заверенной в аэропорту печатью и подписью самолётного начальства. На

что Коля изрёк одну из своих знаменитых фраз: «Это весьма гуманно!» Вот так мы пролетели...

Все мы кандидаты

В 1973 году я два месяца учился во Всесоюзном институте повышения квалификации журналистов радио и телевидения. Лекции нам читали светила филологии и других наук. Достаточно вспомнить профессора Розенталя, автора популярного «Словаря работников радио», моей на ту пору рабочей книги. В неё я заглядывал постоянно, садясь перед микрофоном в студии Благовещенского Дома радио, где я работал старшим редактором молодёжных программ «Говорит амурская комсомолия», переименованной позже в «Юность Амура», и «Солдатский час». И самому требовалось укрепляться в русском литературном произношении, и неопытных молодых авторов учить тому же.

Запомнились некоторые мысли автора профессионального словаря. Например, он признался, что в магазине никогда не попросит продать ему «триста граммов колбасы» или «ботинки на каучуке». Профессор пояснил: «Уверен, что продавщицы меня не сразу поймут. Поскольку у них ежедневно тысячу раз покупатели просят усечённые «триста грамм» и «ботинки на каучуке». Живя в стихии народной разговорной речи, приходится невольно приспособливаться. Но выступающий в эфире перед многотысячной, а порой и многомиллионной аудиторией человек не имеет права забывать правила речи, созданные классиками русской литературы и утверждённые на сцене великими артистами отечественного театра».

Сидящий в задних рядах хохмач Владимир Молчанов, редактор промышленных передач Иркутского телерадиокомитета, поинтересовался: «А куда лóжить эти «триста грамм» колбасы, товарищ профессор, в чумодан что ли?» – «Ну что вы, коллега, зачем такую малость совать в такую большую тару? – блеснул золотыми очками с кафедры Розенталя, – Лóжьте лучше в портфель. Иначе народ вас не поймёт...»

Так на исходе третьей пары лекций мы получили добрую порцию смеха и хорошую разрядку. С той поры прошло более трёх десятков лет, ботинки на каучуке давно не только вышли из моды, но и вообще не выпускаются. А урок мастера прочно засел в памяти благодаря чувству юмора, без которого никогда не станешь ни хорошим журналистом, ни тем более писателем.

Лекции по эстетике нам читал Юрий Боров, профессор МГУ, холёный моложавый мужчина с обликом великосветского денди, одетый в безупречно сшитый по фигуре модный костюм, обутый в лакированные итальянские штилеты, с причёской часовой давности. Такое впечатление создавалось, что он холост, избалован вниманием женщин, устал от успеха. От него пахло неизвестными духами, чей аромат я, без особой опасности ошибиться, относил к парижскому парфюму. Поговаривали, что он желанный гость в московском театральном заку-

лисье, дружит с главным режиссёром моднейшего тогда театра на Таганке Юрием Любимовым. Уезжая из Благовещенска в Москву, от коллег, побывавших на курсах в институте ранее, я знал о лекциях современного светила философии. На сей случай захватил с собой из библиотеки Дома радио книгу Ю.Б. Борева «Эстетика» в надежде получить автограф автора.

На очередной лекции профессор излагает философские категории «ужасного» и «прекрасного». После его слов, что любое мастерское изделие человеческих рук всегда прекрасно, меня шилом в бок кольнуло поднять руку для вопроса: «Атомная бомба прекрасна?» Профессор не то чтобы замялся, но начал вести разговоры вокруг да около. Дескать, смотря на что мы употребляем созданные предметы. Тем временем раздался звонок на перерыв (да, именно так старомодно и по-школярски нас обучали на курсах), и мы отправились на перекур.

Борев сел в свой зелёный «Мерседес», что в ту советскую пору и в Москве было редкостью, и укатил восвояси. Попутно замечу, что выступавший несколькими днями ранее перед нами популярнейший политический обозреватель Гостелерадио СССР, журналист-международник Валентин Зорин приезжал на белом «Мерседесе».

На следующий день Борев продолжил цикл лекций по эстетике. В перерыве он подошёл ко мне в коридоре и взял под руку: «Молодой человек, ваш вопрос про атомную бомбу к теме моих лекций не относится. Это скорее предмет науки этики».

На сем он оставил меня. А я до сих пор, когда вспоминается этот случай, думаю, почему доктор философских наук не ответил на мой сакральный вопрос в аудитории. Неужели побоялся за свой авторитет? Вот ведь и на своей книге, которую я ему протянул тогда для автографа, Юрий Борисович написал не «Игорю Игнатенко», а «читателям библиотеки». Или его так смутил библиотечный штампель?

С другом студенческих лет Николаем Недельским, с которым мы пару лет дружно селились в одной комнате общежития, надумали как-то посетить Ваганьковское кладбище. На ту пору Коля учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а его жена Рита, моя школьная одноклассница, была аспиранткой МГУ. Оба они готовили кандидатские диссертации, были страшно заняты, но радушно встречали меня в часы кратких досугов. Заехал я к Николаю на Садовое кольцо в общежитие академии, наскоро пообедали весьма сытно и крайне дёшево в цековской столовой. Помнится, большая тарелка вкусного борща с огромным куском мяса, пара котлет с картофельным пюре, салат из огурцов и помидоров, а это было в мае, стакан компота отнюдь не общепитовской кондиции, а сладкий и полный отборных фруктов, слоёная булочка с маком обошлись каждому из нас по 25 копеек. Тот, кто помнит цены семидесятых годов прошлого века, сможет оценить степень заботы, которую партия-гегемон проявляла к своим будущим «красным» профессорам.

На кладбище мы отправились, чтобы поклониться могиле горячо любимого нами Сергея Есенина. Николай там уже бывал ранее. Поэтому он повёл меня не к главному входу, а более коротким путём к одному из боковых, чтобы по пути к могиле поэта посмотреть местные достопримечательности. Действительно, такого обилия разнообразных надгробных памятников и плит я доселе ещё не видел. Различные бюсты покоящихся в земле людей как-то стёрлись из памяти по причине полной неведомости мне. Но врезался в сознание погнутый от страшного удара винт самолёта-истребителя, сбитого в 1936 году в небе над Халхин-Голом. Было непонятно, как в то трудное время смогли доставить в Москву останки лётчика и довольно громоздкую деталь самолёта. Военское звание пилота «ястребка», помнится мне, было далеко не генеральским, а вот, поди ж ты, упокоился в столичной сени, которая была ему, видимо, родной.

Потом потянулась череда могил, на которых надгробные надписи слились в какой-то однообразный конспект: «Здесь лежит кандидат таких-то наук Х... Здесь покоится прах кандидата других наук Y... Спи спокойно, кандидат остальных наук Z...» В тридцать лет подобное чтение настроило меня вовсе не на минорный лад. И шутка сама собой вырвалась из моих грешных уст: «Неплохой пантеон из кандидатов наук! А ведь и я тоже кандидат, только вот в мастера спорта. Интересно, есть тут, на Ваганьково, мои коллеги? Может, когда-нибудь и мне найдётся здесь местечко? Тогда перечень кандидатов был бы завершённым».

На последней фразе из-за ближайшего памятника, как из-под земли, вырос человечек такой subtilности, что показался привидением, настолько был бесплотен и просвечен контровыми лучами закатного солнца, пронизывающего кроны вязов и тополей. «Молодой человек! Шутить подобным образом на кладбище недопустимо. Бог всё слышит, не испытывайте свою судьбу...» Мы с Николаем опешили, и, пока размышляли, как нам поступить, привидение растворилось в солнечном ореоле.

Дальнейший путь преодолели молча. Как ни странно, вышли сперва к могиле Галины Бениславской, скончившей с собою на могиле обожаемого ею поэта на следующий год после его смерти. Скромный памятник с лаконичной надписью, из которой я запомнил, что эта женщина прожила на год меньше Есенина, уйдя из жизни двадцатидевятилетней. Её могила как бы спрятана позади есенинского мемориального памятника. Справа от сына упокоена его мать Татьяна Фёдоровна, её возраст тоже впечатался в мою память благодаря лёгкости запоминания – восемьдесят лет она прожила на свете, из них сыновний срок, тридцать лет, уже после его смерти. Нынешний поэт вряд ли бы обратился к своей сорокадевятилетней матери со словами «Ты жива ещё, моя старушка?» Не те времена, не те сроки.

Мы постояли у этих трёх могил, объединённых именем поэта. Думали. Безмолвствовали. На обратном пути я всё-таки не удержался и пошутил, чтобы как-то снять напряжённость: «Коля, ты у нас ещё не кандидат наук, так что не спеши, пока учишься в Москве. Уедем от Ваганьково подальше, тогда и защищайся спокойно, безо

всякой мистики». И мы довольно нервно захохотали не-
уклюжей шутке, которая сегодня слышится мне совер-
шенно по-другому.

Сон на снегу

Поэт Виктор Алюшин интересен не только свои-
ми стихами, но и различными историями, которые окру-
жают его имя. Познакомились мы с ним в пору, когда я
пригласил Виктора поработать корреспондентом в мо-
лодёжной редакции Амурского радио, где я был стар-
шим редактором. До этого он шоферил в строительной
бригаде, убоился лихих нравов своих напарников, не гну-
шавшихся сворачивать головы деревенским гусям, нео-
сторожно пасшимся рядом с возводимыми зданиями, и
решил от греха подальше податься в журналистику, отку-
да не так уж и далеко до мира литературного.

На крупном совещании молодых писателей Си-
бири и Дальнего Востока Амурскую область представ-
ляли прозаик Борис Машук и поэты Виктор Алюшин и
Валерий Черкесов. Было это в Чите где-то, дай бог памя-
ти, в конце 60-х годов¹. Борис Андреевич рассказывал,
что именно тогда он близко познакомился с будущим
классиком современной русской литературы Валенти-
ном Распутиным, поскольку вместе с ним проходил шту-
дии у известного писателя Евгения Носова. Машук же
рассказал мне о том, какой фортель устроил на обрат-
ном пути домой Алюшин.

«Поехали мы втроём в аэропорт. Билеты у меня
на руках, поскольку я старший группы. Командировоч-
ные деньги обкома комсомола мы давно уже благопо-
лучно прогуляли в читинском гостиничном ресторане.
Руки оттягивают сумки с книгами. В голове мысли о гря-
дущей творческой работе согласно советам и наставле-
ниям профессионалов. Сердца полны надежд, руки так и
чешутся взять перо и обмакнуть в чернила, чтобы со-
здать шедевры поэзии и прозы. Прошли регистрацию, в
урочный час двинулись пёхом с попутчиками на поса-
дочную площадку к самолёту. Я впереди чешу, так до-
мой хочется к жене и детям, к письменному столу, поэты
позади топотят мелкими шажками. Отмаршировали мет-
ров этак с триста. Трап уже в открытую дверь ИЛ-14 упёрт.
Поднимаюсь на верхнюю площадку, оглядываюсь. Так...
Валера Черкесов посередке трапа ступеньки считает. А
где Витёк? Не вижу Алюшина ни вблизи, ни посредине,
ни в хвосте очереди пассажиров. Вот те на! Потерялся
человек... Хотел бежать назад в здание аэропорта. Мо-
жет, худо стало? При алюшинской subtilности и напря-
жённости семинарских бдений вполне мог произойти
окончательный упадок сил. Да мало ли чего... А стюар-
десса уже двери закрывать приготовилась, зовёт меня
поторопиться. Я ей, дескать, человек отстал. А она: знать
ничего не знаю, самолет из-за одного пассажира задер-
живаться с вылетом не будет. Так мы и улетели без Алю-
шина... Дня через два звонит мне Виктор по благове-

шенскому телефону, просит отдать ему билет для отчёта.
Извиняться и не думает. Спрашиваю, что с ним такого
приключилось, какая напасть одолела? «Понимаешь,
Андреич, – виноватым голосом с подвывом объясняет
нашедшийся поэт, – вспомнил я, что денег в кармане тю-
тю. А у меня в Чите родня жены живёт. Думаю, подзай-
му-ка у них деньжат на первый случай. До аванса ещё
далековато...»»

Прекращаю на этом цитирование, поскольку я не
любитель современной литературщины, не гнушающей-
ся пачкать бумагу сквернословием. Скажу только, что
Машук, при всей его талантливости писателя и устного
рассказчика, был непревзойдённым мастером, как бы
это сказать помягче, хлёсткого народного словечка, что
ли... Выдал он Виктору и на орехи, и на прочие фрукты-
овощи по первое число. А с того, что с гуся вода. Я и сам
в этом имел возможность убедиться не раз.

Идём, допустим, выступать с чтением стихов на
предприятие или в учебное заведение. Все на виду, бала-
гурим, договариваемся о порядке выступления. Заходим
в помещение, проводят нас в актовЫй зал, садимся на
отведённые места. Оглядываем свои ряды – Алюшина
среди нас нет! Дошло до того, что мы перестали пригла-
шать его на выступления. Читать нотации взрослому че-
ловеку о том, что он подводит товарищей, как-то несо-
лидно. На все вопросы, почему Виктор «слинял» от вы-
ступления, звучал по-детски наивный ответ, вроде того,
что он вспомнил о не выключенном дома утюге или не-
запертой двери. Я полагаю, у человека была некая мания
боязни чтения своих стихов перед незнакомыми людьми
в большой аудитории. С годами этот комплекс настолько
усилился, что организаторы литературных встреч реши-
ли окончательно исключить возможную ситуацию на-
прочь. Так Виктор стал по своей же вине «невыступным».

Однажды вообще приключился настоящий анек-
дот, героем которого был наш незадачливый поэт. Он-то
и стал последней каплей в чаше нашего терпения.

Поехали мы в Шимановский пограничный отряд
выступать перед воинами дальневосточной границы. В
группе были композитор Николай Лошманов, певец Вла-
димир Саватеев, поэт Станислав Повный, автор этих строк.
Набравшись терпения и веры в успех, взяли мы с собой и
Виктора Алюшина. В штабе погранотряда нам выделили
восьмиместный газик с восемнадцатилетним шофёром-
первогодком, с которым мы основательно помучались в
пути. Сопровождал группу офицер из политотдела, в чине
капитана, который, видя нашу городскую лёгкую экипи-
ровку, распорядился принести в автомобиль пять новых
белоснежных овчинных полушубков.

Ранняя ноябрьская зима, снежные заносы, холода
за минус двадцать. Солдатики в клубах и красных комна-
тах оглушительно кашляют. Сказываются долгие часы
дозоров на более чем свежем воздухе при круглосуточ-
ном дежурстве. Но стихи слушают внимательно, дружно
хлопают в ладоши. В тот памятный день мы побывали на
пяти приамурских заставах. И каждый раз нас кормили
настоящим обедом по полной программе, с борщом,
котлетами, морковным салатом (для остроты зрения) и
крепко посоленной красной рыбой, которая, сколько бы

¹ Упомянутое совещание состоялось в 1965 году. –

Примеч. редакции.

